

Яков Овчинников

Новокузнецкий областной колледж искусств, IV курс

**Рецензия на спектакль “Сирано де Бержерак” по пьесе Э. Ростана,
Новокузнецкий драматический театр, режиссер Миша Лебедев**

Скажи, о чем любовь в тени?

Видевший спектакль Миши Лебедева точно знает цену любви. «Известно всем и вечно ново», это чувство не оставляет никого равнодушным.

Пережитое в 17 лет, обещает вернуться снова. Действительно, кому-то правда повезёт — он будет любить ещё и его будут любить опять. Другой же всегда будет хранить память о самом прекрасном чувстве и никогда, никогда не изменит ему.

Истинно, истинно говорю вам: есть такие люди. К примеру, герой пьесы французского драматурга Эдмона Ростана — поэт, смельчак, шут и философ — Сирано де Бержерак.

История его взята из реальной жизни. Но даже за неимением фактов, указывающих на правдивость описываемых событий, вряд ли найдётся человек, который сможет усомниться в искренности чувств героев. Если же такой все-таки найдется, пусть не откажет ему воображение, и не будет он так жесток, чтобы не поверить на слово несчастной истории любви.

Известно, что ничто не берётся из ниоткуда и не исчезает в никуда. За все приходится платить и чем-то приходится жертвовать.

Но можно ли избежать жертв на пути жертвенности?

Можно ли добровольно стремиться к несчастью?

Каждый ли имеет право быть счастливым и ошибаться, верить и любить?

Вопросы, ответы на которые найти непросто.

Не обещаю, что вам ответят на них создатели спектакля. Но увлекательный повод для размышлений гарантирую.

Вот вы приходите в театр поглядеть на чужую жизнь, на самом деле хорошо вам знакомую: жизнь не человека, а чего-то большего — души, и невольно смотрите на свою.

Можно ли предугадать, как воспримет зритель увиденное? Можно направить ход мыслей, точнее — постараться обозначить ориентиры, но путь каждый выбирает для себя сам. Так поступает Миша Лебедев, не поучая, не назидая, не навязывая свою точку зрения, не анализируя героев, он даёт нам лишь основу для размышления и предлагает ответить на волнующие его вопросы. Все же осмыслить увиденное выйдет не сразу, потому что от происходящего на сцене оторваться невозможно, и каждая клетка, и каждый мускул вашего тела неразрывно будут связаны с почти таинственным действием, свидетелем и участником которого вы становитесь.

Происходящее на сцене увлекает с первых секунд, когда включается музыка — уже бьется сердце спектакля, теперь только вперед.

Музыкальное оформление Валерия Гнездилова и Степана Андреева открывает спектакль агрессивно — энергичным треком — лейтмотив флешбеков Сирано, который будет преследовать его на протяжении всей постановки, мучительно-напряженно достигая кульминации в своей теме, превращаясь к концу в настоящий иступленный гром, вынесет ему приговор. В поворотном для драматургии моменте эта композиция, как бы последовательно стирающая личность героя, сменится на Григорианский хорал, и на обломках старой личности появится новая.

Можно сказать и о жанровом тематизме музыкальных частей, где первая характеризуется ритмическим началом и механичностью звучания — подавляющая и жестокая, вторгается в мир Сирано и искажает его до неузнаваемости, вторая же, напротив, имеет песенно-лирический склад с интонациями плача и скорби, интимно-личная и созидаящая — разрешает предыдущие конфликтные состояния.

Третья — шансон великой Эдит Пиаф — звучит послесловием и не относится к диалектическому познанию личности главного героя, а звучит уже как эпитафия.

Но до конца ещё далеко, и в начале создается атмосфера праздника — мероприятие серьезное, со светом, подходящим больше для оргии, и пафосное — закрытая вечеринка «только для своих».

Вся постановка пронизана желаниями, о которых не говорится, но которые постоянно сопровождают нас благодаря возбуждению воображения. Сексуальные сцены при всей откровенности поз лишены эротического волнения, поэтому секс здесь не открытый, но закрытый.

Особое внимание привлекает пластика актеров (завораживающая хореография Даниила Нагайцева) — и театр как будто становится физическим: они (актеры) не медлят, но, постоянно акцентируя внимание на времени, замедляют его запечатлением каждого отдельного жеста и позы.

Вообще время на протяжении всего спектакля протекает довольно быстро, а движения актеров мгновенно откликаются на все события в жизни героев — наверное, поэтому, как бы в замедленной съемке, зрителю предлагается взглянуть на особенно важные.

Таким образом, на сцене пребывают в основном второстепенные персонажи, не исчезая, но отходя на второй план, когда это необходимо, и создают атмосферу, характеризующую скорее лирическую драматургию и эмоциональное отношение к миру. Но такая лирика чревата драмой.

Позже (и ненадолго) внимание переключается на предметы: их на сцене немного — это лишь 9 стульев. Молодые авторы постановки решают пространство сцены довольно просто. Без махровой концептуализации режиссер в соавторстве с художником (Натальей Черновой) оформляет спектакль в своеобразной манере. Действие происходит не в историческом антураже, а вовсе без декораций. Единственное, что ограничивает пространство сцены — полукруглая бархатная стена — просто, но

функционально. За ней скрываются страхи и комплексы главного героя, на часть которых зрителю предлагается взглянуть.

Страстные и сильные по актерскому исполнению сцены борьбы с этим страхами обнажают внутренний мир де Бержерака (Александр Шрейтер в главной роли) — картины объяснения одинокой судьбы и подавленного чувства, ущербности его человеческого бытия.

Тот, что зовётся Сирано, хоть и имеет признаки жизни, но отнюдь самой жизнью не обладает. Единственное, чем он обладает — его чудовищный нос. «Он, верно, накладной! Да только вот беда: Месье де Сирано с ним сросся навсегда».

К счастью, сам нос артисту не приклеили, как это принято. Все же его естественным образом постоянно имеют в виду, упоминая о физических недостатках и безобразности внешнего образа, в таком случае заметен не нос, а его отсутствие.

Без носа скорее ощущается мир не внешний, а внутренний. Тем паче, что Сирано, не скрывая своей неполноценности, открыто выражает свои чувства.

Несчастный, по задумке режиссёра, безумен с первых же минут спектакля. Тема его ущербности, проходя в увеличении, во втором действии представляет нам человека уже точно неживого, а лишь комментарии от него, согнувшегося на авансцене.

Для его рефлексии и объяснения чувств на сцене существует отдельный персонаж — его друг Ле Бре (Андрей Грачев), позже — настоящая тень героя, которая, занимаясь суждениями и осуждениями происходящего, ведет диалог со своим хозяином, дублируя его «голос к голосу» и отражая его собственные мысли.

Диалог двух «я» ведется без стеснения на протяжении всего спектакля, создавая ощущение того, что сам этот диалог и есть главный актер — невидимое «оно», рождающееся из слов, произносимых со сцены. На мгновение даже может показаться, что не актёры играют эти слова, а слова играют актеров. Своеобразный музей фраз, повисших в воздухе.

Увы, внутренний мир де Бержерака исполнительски представляется довольно однообразными средствами — деятельно, но безуспешно. Сирано не способен ни на минуту утратить рефлексии хотя бы для того, чтоб дать передышку зрителю — от начала и до конца взхлеб, «без дыхания» гнет свою линию. А так монотонные приемы воплощения содержания роли хотя и достаточно убедительны, но быстро утомляют.

Не меньшего внимания заслуживают и другие персонажи.

К примеру, Граф де Гиш (Евгений Лапшин), среди прочих также пытающийся заслужить любовь Роксаны. Его тень (сущность) — леопард. Дикое животное ненавязчиво отражает внутренний мир героя. Осторожная кошка с сильным телом взрослого мужчины, грациозный хищник, которого не так-то просто удержать, особенно в моменты его (графа) животного желания.

Попутно здесь можно заметить использованный режиссером способ, характерный для европейской традиции изображения единения человека с природой, в которой, чем ближе он к естественной сфере бытия — его животным инстинктам, тем сильнее его желания и тяга к наслаждению, в отличие от русской, порождающей целомудрие как стихию, освобождение через самообладание и бесстрастность. Пережитая многими поколениями культура более свободного католицизма в сравнении с православным учением о смирении и отречении дают в итоге различие в идеологии и ментальности. Хорошо замеченные режиссёром черты первого наводят на рассуждения об отличиях второго, сталкивая и переплетая в сознании две культуры — приводят к мысли о европейской идентичности.

Но вернёмся к постановке в целом.

Классическая любовная сцена у балкона — Роксана (Екатерина Пономарева) на строительных лесах — расстраивает мир и является рубежом, предваряющим второе действие — войну. Сама война — не действие, а только повод, предлог для диалектического рассмотрения мира.

Второе действие начинается с непрерывно сыплющегося с неба пепла (прекрасно воссоздана атмосфера поля боя), этот же пепел может быть и осенью, умершей жизнью каждого летнего листочка, каждого любовного письма Сирано, оставленного без ответа.

Еще одна переключка с классическими сюжетами — договор Сирано с Кристианом (соперники идут на обман своей возлюбленной, решая избавить Роксану от необходимости выбора между красавцем военным и великим поэтом, не блещущим красотой — создать идеального возлюбленного, целостность которого трагически разделена в реальном мире), на ум сразу приходит сделка Мефистофеля с Фаустом. Кто за кого — вообразите сами.

Теперь «поэт соперничает с Богом» и создает новое существо, в котором должны соединиться красота и ум.

Сделка кажется насильственной потому, что Кристиан, по видению режиссера, оказывается во власти Сирано. Разумеется, они оба используют друг друга, что впоследствии приводит к поступкам странным и сложным с точки зрения морали. Мы же можем трактовать эти условия каждый по своему разумению. Но не правда ли, задумываясь над этим договором, не сумеем обвинить героев? Ведь сами иногда играем роли и жизни других. Тем более, играя чужую жизнь, можно и преуспеть.

«Трус притворился храбрым на войне ...

Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец навечно притворился благородным...»

(К. Ваншенкин)

С одной стороны, такие соглашения — это благо. Но у автора спектакля другая идея.

Казалось бы, любовь Кристиана ничем не хуже, он любил не меньше, чем Сирано, но есть один изъян — он выразить не мог. А что плохого в красоте, и «разве она препятствует уму»? Красота — тот же талант. Но Роксане нужны слова. И что же плохого в сделке между молодыми людьми? Ведь Сирано одалживает не душу, а душе слова. И, хотя он высмеивает соответствующий

своему достоинству недостаток Кристиана, сам понимает, что истинные чувства немы, а счастье, как говорится, любит тишину.

В лирической кульминации пьесы Сирано оставляет свою игру слов, искренно объясняясь в любви, переходит на очень простой язык. И сама Роксана понимает, что много слов не нужно, а достаточно и одного.

Финал спектакля при всех его достоинствах, тем не менее кажется противоречивым.

Ниоткуда, а вдруг звучит легендарная песня Эдит Пиаф, и Сирано один на сцене, освещенной золотым софитом, как когда-то и сама великая певица на концерте — исповеди в Олимпии, заключает свою жизнь:

«Non! Rein de rien...

Non! Je ne regrette rien..»

(Нет! Ни о чем...

Нет! Я не жалею ни о чем...)

С этой атмосферой контрастируют слова героя, произнесенные одновременно с песней:

«Всю жизнь терпел лишения я, мне все не удалось — и даже смерть моя».

Но в сознании у нас камертоном звучат его же слова в финале оригинальной пьесы, опущенные в настоящей постановке:

«Все лавры отняли мои и розы тоже,

Но знайте: я сберёг то, что всего дороже —

Что нынче же вступив на голубой порог,

Я, как плюмаж, к земле склоню у Божьих ног,

Что спас от ваших лап, призвав на помощь твёрдость,

Что не пожертвовал ни разу... Гордость!»

«В субботу вечером, тридцатого числа,

Дни Сирано рука убийцы пресекла».

Занавес.

Он умер, но он жив.

One man show, рассказ о самопожертвовании, рассказ человека, на которого мы смотрим, но который смотрит на нас. Человека, который любит.

Счастливы ли вы в любви или нет, история, воссозданная на сцене, позволит по-новому взглянуть и ответить на вопросы о самом прекрасном и необъяснимом.

Кому как ни ему — человеку, прожившему всю жизнь в тени своего врага и союзника, знать, каково это, хранить неразделенные чувства.

В тени той женщины, которую он любит, но которая не любит его в ответ.

«Я для тебя лишь тень, ты для меня лишь свет».

Как Сирано удалось сохранить свою любовь на всю жизнь, не открыв ее? Не спугнув, пережить и выжить?

В самом деле, способность любить развивается в человеке. И любовь, как завещал основоположник теории любви Эрих Фромм, — это искусство.

Может быть, это убеждение не особо соответствует мировоззрению современного общества, в котором терпимость молодых поколений сочетается с нетерпеливостью. Они, конечно, не осудят Сирано за нерешительность и неспособность открыто заявить о своих чувствах и примут его выбор, но следовать его примеру — признать, что предмет твоего влечения может сделать тебя только несчастным и продолжать добровольно стремиться к несчастью — это вряд ли. Характерная черта современной культуры в исключительном желании брать. Теперь быстро находят романтические знакомства в дейтинг-приложениях и меняют партнеров одним свайпом, извлекают выгоду и не тратят много времени, испытывая приятные случайные чувства. Не нужно ждать, страдать и знать «свиданья жажду», теперь все решается куда прозаичней.

На языке зуммеров объект тайной любви нашего героя назывался бы «краш», а их нездоровые отношения — «токсичными».

Неповторимую возможность могут получить особенно молодые зрители спектакля — взглянуть на мир другими глазами и понять, что любовь это не

просто сентиментальное чувство, но, являясь «ответом на проблему человеческого существования», оно требует знаний и усилий.

И все-таки личность Сирано де Бержерака, осмысленная создателями спектакля, представляет загадку не только для молодого поколения, но оказывается уникальным примером любви для каждого.

Его любовь — это отношение не к другому, а прежде всего к себе. Кажется, что и сама девушка ему не очень ему важна — он, как поэт, любил бы и незнакомку.

Его любовь бессмертна потому, что она внутри него, а не снаружи.

Его любовь — это искусство. Искусство, которому стоит поучиться.

Известно ли Сирано что-то, что неизвестно нам? Сможет ли он нас чему-то научить?

Два часа в театре, меняющих вашу жизнь.

Два часа любви.

Скажи, о чем любовь в тени?